

ПЕРВОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ С ЧИТАТЕЛЕМ

Я перечитал свою книгу и почувствовал необходимость объясниться с тем, кто возьмется за нее вслед за мной.

Прежде всего: это не только не «развлекательная» или «занимательная» эстетика — в книге вообще нет ничего, что было бы специально устроено для завлечения читательского внимания. По поводу самого названия — несколько слов, чтобы иной читатель не обманулся в своих ожиданиях: надо будет затратить немало усилий, самостоятельно переработав материал книги, прежде чем станет видно наконец то, что восходит от красоты и ярости нашего земного мира к миру тех эстетических идей, о которых пойдет речь. Только тогда, быть может, откроется красота и ярость самих этих идей. А как же иначе? Ведь это все-таки разные вещи — эстетика и сама жизнь, хотя о том, что они очень тесно связаны между собой и что эстетику нельзя отрывать от жизни, мы, конечно, уже отлично знаем. Зачем же нужна эстетика, если вся она от жизни? Так ведь и вообще все, что мы знаем и чувствуем, от жизни. Только надо научиться знать и чувствовать. Обычно на это немножко не хватает жизни. Пожалуй, самое интересное в жизни — учиться знать и чувствовать, или даже, быть может, в том именно она и состоит... Все это отнюдь

не должно подготовить вас к мысли, что название книги вообще не имеет к ней никакого отношения, никакой с ней связи. Или наоборот: что связь эта самоочевидна и не требует слов. Связь есть, но она особая — внутренняя, и открывается она не вдруг. Когда она вполне выяснится для читателя, станет вместе с тем ясно, что цель автора книги достигнута.

Эта книга толкует о предметах, которые плохо даются сознанию, помнящему прежде всего о том, что ему надлежит оставаться на «детском» уровне. Боюсь показаться назидательным, но скажу, что в любом сознании существуют самые разные уровни. И существуют они в очень сложной взаимосвязи. И потому, в частности, очень многие из тех книг, которые написаны не для детей, так притягательны в детстве, а потом к ним возвращаешься чуть ли не к концу жизни. И наоборот: многие из книг, написанных специально для детского возраста, вдруг начинают влечь нас, когда мы очень далеко уходим от своего детства. Но правильнее, наверное, в данном случае все-таки было бы говорить даже не об уровнях мышления, а о возможности людей разного возраста настраиваться на какую-то одну волну мышления.

Я много думал о тех людях и идеях, которым посвящена книга, о судьбе и борьбе этих идей и людей; о том, как в развитии и перипетиях той духовной драмы, о которой пойдет речь, отразились и преломились, будто в сияющие ясных зеркалах и удивительно многогранных призмах, очарование и ужас, прекрасное и безобразное жизни, если продолжать идти от известной формулы Андрея Платонова, сказавшего о нашем мире, что он «прекрасен и яростен». Может быть, слишком яростен и не слишком прекрасен. А может быть, оценочное слово «слишком» тут вообще неуместно. Ведь оно предполагает сравнение с каким-то эталоном, образцом — но

каким же? Никакого другого мира у нас нет, а значит, красота и ярость нашего мира, все его очарование и безобразие несравненны? Или в нас самих есть все-таки нечто такое, что — пусть невольно, даже незаметно — побуждает нас иной раз произнести это «слишком» или обронить «не слишком»? Но, высказав или оспорив подобные соображения, мы тем самым начали бы уже несколько преждевременно вести речь о том, о чем как раз и должна она пойти ниже.

Обо всем этом пойдет речь, и у всего этого есть соответствующие, не вдруг найденные наименования и обозначения. Их надо знать и уметь применять, с ними надо освоиться, потому что вещи вообще надо называть их именами.

Это, если хотите, нравственное требование имеет неограниченно широкое и все расширяющееся применение. Я думаю, что читателю, который сегодня просто не может не разбираться достаточно свободно в основном терминологическом арсенале современной научно-технической сферы, странно было бы излагать гуманитарные понятия на примитивном уровне. Автору только тогда можно надеяться, что читателю с ним будет интересно, когда интересно ему самому. Пусть смысл, суть и эмоционально-психологический подтекст его собственного интереса обнаружатся читателем не с первой минуты — читатель сразу же почувствует, есть этот интерес или нет.

Свой внутренний «интерес» у меня в этой книге есть. У человека, четверть века проработавшего над какой-либо темой, посвятившего этой теме ряд книг и много статей, естественно, должно возникнуть желание как-то подытожить сделанное и, главное, уразуметь, что он так и не смог сделать — перед чем остановился и что по каким-то причинам обошел, оставил «до лучших времен». До, буду надеяться, ваших, читатель, времен. Вот

мой «интерес»: попробовать переложить на молодые плечи то, чем сам я занимался чуть ли не всю жизнь, часто отвлекаясь, иной раз бросая в большом сомнении относительно конечных результатов своих усилий... Именно такова одна из сугубо личных, субъективных причин, побудивших меня взяться за эту книгу. Объективным побудительным обстоятельством явилась сама судьба традиции русской материалистической эстетики в ретроспективе (обратном освещении), свидетелем возникновения которой я оказался. Мне кажется, что в ряде случаев эта ретроспектива, определяемая ходом нашей общественно-культурной жизни, выдвинула на первый план некоторые новые аспекты (подходы, точки зрения) оценки традиции русской материалистической эстетики XIX века и начальных шагов марксистской эстетической мысли в их противоречивой последовательности...

У нас существует много разного рода вполне «апробированных» систематических курсов, монографических изложений, обзоров и разработок по истории русской материалистической эстетики. Но работы эти выполнены в жанре, как раз наименее любимом самими эстетиками-материалистами, всегда тяготевшими к публицистизму и зачастую приурочивавшими свои теоретико-эстетические выступления к самым злободневным явлениям литературной и общественной жизни. Почему это было так, будет достаточно подробно сказано ниже. Но жанр должен следовать предмету, и мне представилось уместным в книге обратиться к такому роду изложения дела, при котором я бы имел возможность остановить внимание читателя на некоторых наиболее острых для нас сегодня темах и идеях.

Книга построена так, что изложение эстетических взглядов Чернышевского, Плеханова и Луначарского в необходимых случаях дается в сопоставлении с сужде-

ниями их оппонентов и других авторов и перемежается фрагментами непосредственно социально-исторического содержания. Короче говоря, эта книга — не суммарное, обобщенное и «отстоявшееся» освещение творчества крупнейших представителей русской материалистической эстетики, а по возможности последовательное в своей внутренней логике изложение общественно-исторических судеб некоторых важнейших «сквозных» тем, идей, сюжетов и мотивов, объединяющих, пусть и в противоречивом единстве, классиков русской материалистической эстетики.

По ходу дела мне надо будет спорить с другими авторами, моими современниками, настаивать на верности своей точки зрения — пусть читатель не подумает, что я полагаю себя обладателем единственно возможного решения. В подобного рода спорах, даже самых острых, может вообще проявляться лишь некая энергия авторской мысли — иной раз ничего больше, — хотя и эта энергия имеет, естественно, свое социально-психологическое основание. Истина, как содержание нашего общественного сознания, иной раз представляет собой своего рода движущееся взаимодействие суммы взглядов, порой остропротиворечивых. Это не слишком сложно понять, если захотеть подумать. Во многих случаях читателю самому надо будет решать, прав я или не совсем прав. Я буду вынужден оспаривать даже то, что сам же говорил раньше по тому или иному вопросу, — читателю судить, верно ли я делаю, поступаю ли в внутренней принципиальностью своей общей методологической позиции или по тем или иным причинам просто не мог раньше думать так, как стал думать позже, идя вслед за логикой собственной мысли и следуя силе вещей.

Эта книга рассчитана непосредственным образом не столько на подготовку к ответам, сколько на подготовку к тем вопросам, ответы на которые вообще еще,

быть может, «не готовы». То есть мы с вами к ним не готовы. Не исключено, что последнее утверждение покажется очень уж субъективным. Что ж, пусть тогда другим — вам прежде всего — повезет больше, чем мне.